

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ УКРАИНЫ ПОСЛЕ «ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»[1]

В статье анализируются различные точки зрения на характер трансформаций власти, произошедший в Украине после «оранжевой революции». Автор подробнейшим образом аргументированно отвечает на вопрос, имели ли события на «Майдане незалежности» последствия, которые привели к системным изменениям в политическом режиме этого государства. Даны основные характеристики политического режима Украины до и после 2004 г.

Ключевые слова: революция, власть, политический режим, Украина, протест, политические изменения.

Изучение политических и общественных трансформаций имеет существенное теоретическое и практическое значение для обществ, находящихся в процессе перемен. К таким обществам относится и Украина. Драматические события конца 2004 г. требуют объяснения и прогнозирования возможных направлений изменений в обществе и государстве.

В статье внимание сосредоточено на трансформациях политического режима в Украине, происходящих в период между президентскими выборами 2004 г. и внеочередными парламентскими выборами 2007 г. Хотя с момента смены власти прошло три года, серьезных аналитических исследований трансформаций политического режима фактически не было. Целью данной публикации является попытка заполнить этот пробел.

В рамках статьи мы попытаемся дать ответы на несколько ключевых вопросов.

1. Какой тип политического режима сформировался в Украине в период президентства Л. Кучмы?
2. Каков характер смены власти в Украине — эволюционный или революционный?
3. Поменялся ли со сменой власти тип политического режима в Украине? Если да, то какой тип политического режима формируется в Украине сейчас?

Понятие «политический режим» традиционно используется для обозначения совокупности приемов и методов осуществления власти. Для определения сущности политического режима принято обращать внимание на такие элементы (индикаторы), как процедуры и способы формирования институтов власти, стиль принятия политических решений, тип взаимодействия власти и граждан. Подобный инструментальный подход не указывает на то, кто и как использует эти методы, однако предполагается, что это — лидер или правящая группа. Таким образом, сущностью режима являются индивиды, а не практики, используемые ими для осуществления власти. Смена лидера или правящей группы должна обозначать смену режима.

Приведенные выше признаки являются постоянными индикаторами, дающими возможность легко различать консолидирование автократии или демократии, однако они не вполне подходят для определения переходных режимов. Именно поэтому для анализа политического режима в Украине, пребывающего в процессе трансформации, эти индикаторы будут дополнены переменными характеристиками, уточняющими сущность переходного режима.

Альтернативный взгляд на определение сущности политического режима можно встретить у представителей институционального подхода (см.: Fishman, 1990, p. 422–440; Macridis, 1986; Munck, 1996; O'Donnell, 1986). Здесь режимом считается совокупность формальных и неформальных правил, которые требуют, разрешают или запрещают определённые действия. Эти правила определяют тех, кто находится у власти, то есть кто владеет правом принятия решений. Вместе с тем правила определяют и ограничивают, посредством характера разделения властей, отношения в центре политической власти (горизонтальные отношения между ветвями власти), а также их отношения с остальной частью общества (вертикальные отношения). Признание правил всеми главными политическими игроками является условием консолидации режима (Svend, http://cddrl.stanford.edu/publications/political_regimes_and_their_changes_a_conceptual_framework/).

Анализируя политические режимы, необходимо иметь в виду, что смена правительства или главных лиц при власти не обязательно ведет к смене режима. И наоборот, смена режима (хотя это случается значительно реже) может произойти без смены правительства (переход от парламентского к премьерскому правлению во время премьерства М. Тэтчер) или формы правления (приход к власти нацистов в Германии).

В качестве рабочего определения в этом исследовании используется следующее: политический режим — это институционализованный совокупность формальных и неформальных правил, определяющая горизонтальные и вертикальные ограничения в приёмах осуществления власти, во взаимодействии носителей власти между собой и остальной частью общества.

Политический режим в Украине с 1994 по 2004 г.

Определение типа политического режима в Украине в период президентства Л. Кучмы было одной из тем, которые не поощрялись властью. Официальные идеологи активно эксплуатировали тезис о том, что с 1991 г. Украина пребывает

в переходном состоянии, двигаясь от тоталитаризма к демократии. Процесс демократизации должен был завершиться формированием правового и социального государства, гражданского общества и рыночной экономики.

С середины 1990-х годов понимание того, что декларированные цели расходятся с повседневной политической практикой, появилось в среде украинских интеллектуалов, а позже распространилось среди значительного количества граждан Украины. Лишь немногие исследователи, непосредственно занимавшиеся изучением политического режима в нашей стране, не питали иллюзий насчет недемократичности режима, однако у них были существенные разногласия по поводу определения его типа.

Украинский политолог Владимир Полохало начал дискуссию о недемократической направленности переходного периода в Украине и предложил тезис о неототалитарном характере политического режима в стране (Полохало, 1992; 1996; 1998). Он выделил семь особенностей посткоммунистического неототалитаризма, присущих, по его мнению, большинству постсоветских стран.

1. Отчуждение большинства граждан от власти при одновременной многомерной зависимости от нее.
2. Одностороннее подчинение граждан правилам, нормам и бесконтрольное осуществление государством своих полномочий.
3. Отсутствие реальных гарантий защиты декларированных прав человека, его беспомощность перед чиновниками.
4. Присвоение теневых доходов, раздел общенародного имущества при господстве клиентельских связей.
5. Сочетание коррумпированной политической власти, теневой экономики и криминального мира.
6. Доминирование номенклатурно-корпоративных кланов, симбиоз олигархии и авторитаризма.
7. Утилитарное использование олигархами демократических норм и процедур.

Посткоммунистический неототалитаризм В. Полохало определил как «новейшую разновидность тоталитаризма, при которой тотальный контроль, систематическое принуждение и насилие (или угроза их применения) со стороны посткоммунистической олигархической власти к большинству населения применяются легитимно, с использованием демократических технологий, при этом не в жестких (в отличие от тоталитаризма «классического»), а в относительно мягких формах, через множество многомерных и стойких зависимостей (и очевидных, и латентных — социокультурных, правовых, экономических и т. д.)» (Там же, 1998, с. 17–18).

В то время как В. Полохало считал нецелесообразным использование западных теорий общественной трансформации, украинский политолог Антонина Колодий, основываясь на разработанной американскими теоретиками модели перехода,

предложила пять сценариев развития событий в Украине. Только в рамках первого сценария было возможно поступательное движение к демократии, а все другие в той или иной форме предполагали возведение фундамента авторитаризма. В то же время А. Колодий не представила своего определения типа политического режима, сформировавшегося в Украине во второй половине 90-х годов XX в., ограничившись использованием тезиса западных транзитологов Г. О'Доннела и Ф. Шмиттера о том, что Украина относится к переходным обществам с неконсолидированной, неполной демократией, при которой старый политический режим повален, а новый еще рано считать стабильным (Колодій, 1999, с. 84–96).

О неототалитарном характере политического режима, который имел место в Украине с 1991 г. до начала второй половины 90-х годов XX в., писал и украинский исследователь Сергей Линецкий. Используя систему аргументации «от противоположного», он выделил шесть тезисов, декларирующих, что тоталитарный режим в Украине распался, и подверг их жесткой критике. Автор придерживается точки зрения, что, «несмотря на значительную инерцию своего развития, неототалитаризм пребывает в состоянии противоборства с демократической альтернативой» (Лінецький, 1998, с. 192). «Переходность» в данном контексте означает, скорее, неопределенность окончательного итога в их соревновании, незавершенность, противоречивость и непоследовательность самой трансформации режима, а значит, и его историческую самобытность.

В то время как украинские исследователи занимались преимущественно определением степени отдаленности политического режима в Украине от классического советского образца, западные теоретики пытались поместить украинский случай в более широкий теоретический и сравнительный контекст. В результате была проведена серия исследований, объясняющих особенности постсоветских трансформаций в Украине.

При попытках перенести модель демократических переходов латиноамериканских государств на постсоветские появились критические оценки целесообразности такого подхода. Вначале П. Кубицек, а позже Т. Карозерс выступили с критикой идеи необратимости демократических трансформаций в странах с авторитарным прошлым. П. Кубицек определил особенности корпоративного государственного строя в Украине времен президентства Л. Кучмы как приближающиеся к латиноамериканским странам. Украину, как и Россию, середины 1990-х годов он назвал «делегативными демократиями», население которых остается пассивным в период между выборами[2].

Британский политолог украинского происхождения Тарас Кузьо опровергает распространенный среди транзитологов тезис об Украине как «делегативной демократии». Данная концепция, по мнению Кузьо, может быть использована только для Юга и Востока Украины, где население проявляло политическую активность в основном в период избирательных кампаний. Однако жители Западного и Центрального регионов Украины сохраняли гражданскую и политическую активность и в период между выборами (Kuzio, 2005, p. 170).

Т. Кузьо, как Т. Карозерс и некоторые другие западные исследователи, предлагает рассматривать Украину как «гибридное государство» с соревновательным авторитарным режимом. Для гибридного государства характерным является сочетание остатков старой советской системы и новых

экономических и политических институций. «Политический процесс в гибридном государстве определяется застоем, коррупцией и доминированием элит, дающих мало пользы для страны и имеющих слабую поддержку населения» (Carothers, 2002, p. 10).

Для гибридных государств, к числу которых Т. Карозерс причисляет Россию, Болгарию, Боснию, Албанию и Молдову, характерными являются шесть признаков: а) интересы граждан не полностью принимаются во внимание или игнорируются; б) уровень политического участия в период между выборами, как при «делегативной демократии», является низким; в) правовые нормы подвергаются частым нарушениям; г) выборы дают неправдивые результаты и поэтому фактически нелегитимны; д) доверие к государственным институтам снижено максимально; е) функционирование государства в целом является неудовлетворительным.

Эти признаки Т. Кузьо уточняет и дополняет на примере Украины, приводя десять признаков того, что во времена президентства Л. Кучмы в государстве доминировала неосоветская политическая культура (Кузьо, 2004, <http://www.pravda.com.ua>): монопольный контроль со стороны центристов (провластные партии); СДПУ(о) — аналог КПУ советских времен; попытка кооптировать негосударственные институции к корпоративному сотрудничеству с властью; нетолерантное отношение к оппозиции; несоблюдение правовых норм; негативное отношение к СМИ; возврат СБУ к неосоветским методам борьбы с оппозицией; использование принципов советской национальной политики (доминирование русского языка, признание советских праздников); антиамериканизм и антизападная риторика; призывы к интеграции в евроатлантические структуры как ширма для заигрывания с Западом.

Соревновательным авторитаризмом Т. Кузьо считает режим, в котором существуют две тенденции. С одной стороны, доминирование олигархов под прикрытием центристских партий в парламенте, с другой — деятельность оппозиции, препятствующая олигархическим группам установить полностью авторитарный режим. Благодаря тому, что провластные политические элиты времен Кучмы были разъединены, а оппозиция оставалась достаточно сильной, в Украине не удалось установить в полном объеме авторитарный режим.

По мнению Т. Кузьо, состояние нестабильного равновесия, сложившееся в Украине в период президентства Л. Кучмы, в случае победы на президентских выборах В. Януковича могло сместиться в сторону авторитарной консолидации, а в случае победы В. Ющенко — в сторону демократической консолидации. Однако, принимая во внимание события, происходящие в Украине в период между президентскими и парламентскими выборами 2006–2007 гг., последнее ожидание можно считать преждевременным.

Убедительное объяснение механизма авторитарного государственного контроля в Украине и других постсоветских республиках предложил американский исследователь Кейт Дарден. Он утверждает, что в период президентства Кучмы Украина была «шантажистским государством». Механизм государственного шантажа состоял из трех элементов: терпеливого отношения государственного руководства к проявлениям коррупции, использования политической верхушкой аппарата государственного наблюдения за чиновниками среднего и нижнего звена управления с целью накапливания против них компромата и выборочного

применения закона.

Платой за благосклонное отношение власти была политическая лояльность к режиму, а наградой — привлечение в коррупционные схемы. Несогласных с режимом чиновников или даже рядовых граждан в любой момент могли «раздавить» с помощью налоговой администрации или других государственных структур (Darden, 2001, p. 67–71). Модель К. Дардена использовал украинский исследователь М. Рябчук в нескольких своих эссе для иллюстрации механизмов осуществления власти во время президентства Л. Кучмы (Рябчук, 2004).

В Украине, как и в большинстве постсоветских государств, отчётливо проявляется неопатримониальный тип власти, в отличие от рационально-бюрократического западного типа. На это обстоятельство указывает западный политолог Ханс ван Зон, считающий этот режим «бюрократическим», а государство — неопатримониальным: «Украина не имеет консолидированного, современного государственного аппарата, а является скорее неопатримониальным государством, в котором каждый государственный служащий имеет свой фьеф (феодалное владение). Государственный аппарат напоминает паутину отдельных институций, в большей степени озабоченных защитой своих привилегий, чем служением обществу» (Zon, 2005, p. 15). Поэтому в Украине времён Л. Кучмы, как и при президенте В. Ющенко, более действенными оказываются неформальные правила политической игры. Но и они нарушались и нарушаются главными политическими игроками. Это проливает свет на причины возникновения нескольких политических кризисов в Украине, проявившихся после смены власти.

Западные исследователи отмечают влияние советских институтов на политическое устройство, практику правления и непоследовательность проведения реформ, что дало основание назвать Украину гибридным государством с электоральным (П. Даниери) или соревновательным (Т. Кузьо) авторитаризмом. Как видим, политический режим в Украине времён президентства Л. Кучмы большинство ученых определяет как недемократический в диапазоне от неототалитарного (В. Полохало) до соревновательного полуавторитарного (Т. Кузьо). Такие колебания в определениях отражают колебания, в сущности, самого режима, который за десять лет прошел несколько этапов эволюции.

На наш взгляд, политический режим в Украине в последние годы президентства Л. Кучмы можно рассматривать как своеобразную пирамиду неформальных институционализированных правил осуществления власти. Во главе этой пирамиды находился президент, который сам определял правила. Его ближайшее окружение (администрация президента) и отдельные члены семьи «играли по правилам», поддерживали их и поэтому составляли второй уровень влияния. Последний, замыкающий круг состоял из нескольких конкурирующих между собой финансово-промышленных групп. Те, которые поддерживали и «играли по правилам», то есть выражали лояльность к центру, в обмен получали привилегии в своем регионе. Те, которые пытались нарушать, противостоять или изменять правила, были либо дискредитированы властью (П. Лазаренко), либо отвергались и поддавались прямым (Ю. Тимошенко) или косвенным преследованиям (В. Ющенко). Такой режим может быть определён как патримониально-олигархический авторитаризм или патримониальная

олигополия.

Революция или протест?

Большинство украинских исследователей и некоторые западные ученые события ноября-декабря 2004 г. называют революцией[3]. Попытка политологического обоснования революционности этих событий более полно, на наш взгляд, была сделана А. Колодий и В. Якушиком. Их аргументы сводятся к тому, что в Украине состоялась не социальная революция, а политическая. В отличие от социальной революции, сопровождающейся насилием, политическая возможна и без него. Однако в Украине революционность проявилась в массовых силовых действиях (В. Якушик) или принудительном отбирании власти (А. Колодий); в результате революции в Украине поменялся политический режим (Колодий, <http://www.kennan.kiev.ua/kkr/publications.htm>; Якушик, 2006, с. 19–36).

Мы считаем, что разделение революций на социальные и политические является некорректным. Понятие политической революции впервые использовал К. Маркс для обозначения первого этапа социальной революции (Маркс, 1959, с. 94). Согласно Марксу, каждая социальная революция является результатом политической, сущность которой — свержение старой власти путем революционного восстания. Для мыслящего диалектично Маркса политическая и социальная революции были этапами одного процесса. Украинские же ученые не придали значения этой мысли Маркса, разграничив целостное понятие революции на два типа — социальную и политическую.

Использование понятия «политическая революция» украинскими учеными было обусловлено потребностью обосновать революционность событий конца 2004 г., несмотря на отсутствие в них насильственных действий. Политическая революция в интерпретации В. Якушика и А. Колодий выглядит эвфемизмом для обозначения политического переворота. Ни революции, ни переворота в Украине не было. События ноября-декабря 2004 г. в Украине корректнее назвать широкомасштабными акциями политического протеста, спланированными лидерами оппозиции и поддерживаемыми значительным количеством украинских граждан, в результате чего произошло отстранение Л. Кучмы от власти.

Утверждения о «внеправовой природе массовых силовых действий» или «принудительном отбирании власти» также уязвимы для критики. Блокирование протестующими здания правительства, перекрытие дорог, принятие присяги В. Ющенко, издание декретов «Комитетом национального спасения» — действия, которые В. Якушик называет «систематическим прямым давлением широких революционных масс» на разные ветви и органы власти. Безусловно, эти акции осуществлялись с целью давления на действующую власть — но не более того. Названные выше исследователи не объясняют, что, по их мнению, является сущностью силовых действий или принуждения. В интерпретации В. Якушика понятия «силовые действия» и «давление» — явления одного порядка. Однако мы придерживаемся другой точки зрения. Силовые действия предполагают использование силы, осуществление физического противостояния. Сущностью же политического давления является оказание влияния на субъект принятия политических решений с целью придания им характера, желаемого для инициатора давления. Таким образом, давление не может быть прямым. Прямым может быть только принуждение в виде физического насилия.

Приведенные выше действия, как признает В. Якушик, есть «специфические признаки не только революции. Это — общие признаки как революции, так и бунта, восстания, переворота» (Якушик, 2006, с. 27). По нашему мнению, подобные действия должны быть признаны характеристиками политического протеста, нежели признаками революции или других, упомянутых выше насильственных действий. Они таковыми не были, ведь решение об аннулировании результатов второго тура выборов президента Украины принималось не на Майдане, а в Верховном Суде. Несмотря на политический характер данного решения, оно дало возможность выйти из кризисной ситуации без применения силы. Факт участия В. Януковича в третьем туре выборов на фоне политических заявлений о нелегитимности такого решения свидетельствует о принятии им и членами его команды вердикта Верховного Суда. Кроме того, достижение политического компромисса во время серии «круглых столов» кандидатами на пост президента и действующим президентом Л. Кучмой является примером политического урегулирования кризиса, а не принудительного отбирания власти. Наконец, свидетельством того, что события конца 2004 г. в Украине некорректно называть революцией (даже политической), является то, что новой, пришедшей к власти команде не удалось поменять фундаментальные «правила игры», определяющие принципы осуществления власти, или политический режим.

Какие же события можно считать революцией? С. Хантингтон, рассматривая революции в контексте модернизации, называет следующие характеристики революции: 1) насильственный характер действий; 2) глубокая, фундаментальная смена существующего строя и социальной структуры общества; 3) радикальная смена политических институтов и всей политической системы (Huntington, 1986, p. 39; подробно о теории революции см.: Мацієвський, 2005б, с. 29–39; Фисун, 2006, с. 179–207).

Представители структурной теории революции Т. Скокпол и Э. Тримбергер называют три необходимых и достаточных условий революции: 1) международное давление со стороны более развитых государств; 2) конфликт между традиционными элитами и государством; 3) организованная массовая мобилизация снизу, направленная против представителей центральной власти на местах (Scocpol, Trimberger, 1986, p. 59–65).

Наиболее авторитетный современный исследователь революции Дж. Голдстоун, обобщая достижения представителей четвертой генерации исследований революции, выделяет перечень обязательных условий этого феномена: 1) кризис государства; 2) резкая поляризация элит, 3) кризис народного благосостояния, 4) возникновение коалиции части элит и народных масс, 5) существование той или иной оппозиционной идеологии, объединяющей элиты и массы в их борьбе против власти (Goldstone, 2003, p. 81–82).

Если к сказанному добавить, что революции — это преимущественно продолжительные процессы, занимающие от нескольких месяцев до нескольких лет (то есть макрособытия), активизирующие все слои общества, прежде всего крестьян, то становится понятно, что признать события конца 2004 г. в Украине революцией довольно проблематично. Вместе с тем они имели некоторые признаки революционности: политический кризис, который длился, начиная с объявления результатов второго тура выборов и заканчивая решением Верховного Суда о признании их недействительными и назначении повторного

голосования; политическая мобилизация значительного количества граждан; противостояние власти и оппозиции; политическая поляризация в обществе. Вместе с тем это не дает оснований определить эти события как революцию, путч, мятеж или переворот. Их оценку в более широкой перспективе лучше осуществлять сквозь призму транзитологии, где выделяют несколько типов политической трансформации: реформу, революцию, переворот, транзит (или переход). Если революция — насильственная смена существующих институтов, то переход — это такой тип политической трансформации, для которого характерна смена институтов без нарушения правовых норм. Реформа и переворот также не соответствуют этим требованиям.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в Украине состоялась ненасильственная смена правящей элиты при участии населения в массовых акциях политического протеста в период президентской избирательной кампании. Другими словами, произошла ротация элит, что на первый взгляд выглядело как падение режима. Именно первоначальное впечатление о смене правящих элит в Украине подтолкнуло даже внимательных западных исследователей к выводу о падении режима.

На мой взгляд, события ноября-декабря 2004 г. в Украине более корректно объяснять сквозь призму транзита, или перехода. Если использовать предложенную американским теоретиком У. Растью классическую трёхэтапную модель перехода и несколько скорректировать ее в соответствии с местными условиями, то экспланационный потенциал модели остается довольно-таки высоким. Началом перехода, по У. Растью, считается либерализация старого режима. В Украине, как и во всем СССР, либерализация началась в конце 80-х годов XX в. Правда, в Украине «перестройка» стартовала с некоторым отставанием от Москвы, что было характерным в отношениях между имперским центром и республиками.

Провал путчистов в августе 1991 г. и провозглашение суверенитета России, Украины и других республик бывшего СССР стало началом второго этапа перехода. С этого момента динамика и глубина реформ в каждой республике стали приобретать особенный вид. В Прибалтийских республиках переход осуществлялся поступательно и линейно, тогда как в Украине, Беларуси и России поступательность и линейность были прерваны в разное время. В Беларуси сворачивание демократизации состоялось с приходом к власти А. Лукашенко. В Украине и России темп реформ начал снижаться приблизительно одновременно — с переизбранием президентов Л. Кучмы и Б. Ельцина на второй срок. Это дало основание некоторым западным исследователям говорить о появлении «гибридных» государств, которые застряли в условной «серой зоне» и не способны из нее выйти.

За фасадом слабо выраженных демократических институтов в трех славянских республиках начали формироваться авторитарные режимы, каждый из которых имел свои особенности. Остановка демократизации и возвращение к патримониальному господству и султанизму происходило также в кавказских и среднеазиатских республиках (Еке, Kuzio, 2000, p. 523–547).

События, связанные с ненасильственной сменой власти в Грузии (2003 г.) и Украине (2004 г.), положили начало третьему этапу перехода в этих странах. В то же время не совсем мирный способ смены власти в 2005 г. в Киргизстане,

неудача оппозиции на парламентских выборах 2005 г. в Азербайджане и президентских выборах 2006 г. в Беларуси подталкивают к мысли об остановке демократического импульса на постсоветском пространстве (Silitski, <http://www.tol.cz/look/TOL/article.tpl>).

Украинский вариант перехода имеет несколько особенностей.

Во-первых, он является более длительным, чем переходы в восточноевропейских или Прибалтийских странах, и поэтому рассматривается в контексте четвёртой, инверсионной волны демократизации (см.: Фисун, 2006, с. 134–150).

Во-вторых, со сменой власти в 2004 г. начался третий этап общественных трансформаций. Первый этап длился с конца 1980-х годов до 1991 г., второй — с 1991 г. до конца 2004 г. В этот период в Украине советский номенклатурный авторитаризм трансформировался в современный кланово-олигархический авторитаризм[4]. Однако утверждать, что два «помаранчевых» правительства, а тем более команда В. Януковича, способствовали консолидации демократии, было бы некорректно. Определяющей чертой третьего этапа трансформаций является новая, но неполная смена элит, а сущностью — соревнование между бизнес-политическими группами, с одной стороны, и желание остаться у власти, сохраняя позитивный имидж у граждан, — с другой.

В-третьих, распад «помаранчевой коалиции» после выборов 2006 г. и формирование коалиции во главе с «Партией регионов», по оценкам международной неправительственной организации «Freedom House», продемонстрировало ухудшение показателей демократических изменений в Украине (Nations in Transit, 2007, <http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=47&nit=409&year=2007>).

В транзитологии различают два варианта перехода — радикальный и умеренный. Радикальный переход осуществляется в тех странах, в которых старая элита полностью утратила легитимность. В таком случае смена режима происходит либо путем абдикации (отказ от власти), как это случилось в 1989 г. в Чехословакии и ГДР и в 1993 г. в Грузии, либо насильственно — в 1989 г. в Румынии и в 2005 г. в Киргизии.

Умеренный вариант перехода предполагает победу оппозиции на выборах, которая или ведет переговоры со старой элитой о путях и методах проведения реформ, или допускает проникновение представителей старой элиты в структуры власти. Последний из указанных путей является достаточно длительным. К тому же при сохранении позиций старой элиты во власти возможны отклонения и остановки процессов демократизации. Именно так развивались события в Украине после 1991 г. Провал проекта создания демократической коалиции в 2006 г. и формирования правительства из представителей предыдущей власти свидетельствует о сохранении указанной тенденции, а также об очередной паузе в процессе демократизации.

Демократический импульс «оранжевой революции» привел к количественным изменениям в верхушке власти, вызвал некоторые изменения в составе властвующей элиты, но не принес ожидаемых качественных изменений. К последним можно отнести укрепление политической конкуренции и плюрализма,

свободы деятельности СМИ, формирование гражданских политических ориентаций у жителей большинства регионов страны, усиление внутривластной динамики. Переход в Украине усложняется неэффективностью политических элит. Однако у него есть шанс закончиться консолидацией демократии в случае гражданского давления демократически ориентированной части украинского населения на избранный в 2007 г. парламент и правительство.

Смена власти или смена режима?

За время, прошедшее со времени победы оппозиции на выборах 2004 г., политический режим в Украине проявляет значительный иммунитет к изменениям. Для обоснования данного тезиса, на наш взгляд, необходимо сравнить формальные и неформальные правила осуществления власти (политический режим) времен президентства Л. Кучмы и В. Ющенко.

Что изменилось?

Поменялась риторика власти (идеологема стабильности сменилась идеологемой проведения реформ). Изменилось отношение власти к СМИ и улучшилось их положение в стране. Был предложен ряд инициатив по реформированию структуры органов управления и территориального устройства государства. Произошли положительные изменения в политической культуре населения большинства украинских регионов, что приближает ее к гражданскому типу. «Выход на поверхность» политических интриг в окружении президента В. Ющенко указывает на большую открытость нынешней власти по сравнению с принципами ее осуществления времен Л. Кучмы. В первый год президентства В. Ющенко происходили позитивные изменения в сотрудничестве государственных и негосударственных организаций, однако вскоре интерес власти к институтам гражданского общества заметно охладел. С 1 января 2006 г. вступили в действие дополнения к Конституции Украины от 8 декабря 2004 г., которые оказали существенное влияние на соперничество между исполнительной и законодательной властью в стране. Однако неэффективность политической реформы привела к серьезному институциональному кризису в апреле–июне 2007 г., сомнительному в правовом отношении роспуску парламента и политическому компромиссу, сущностью которого явилось решение ведущих политических «игроков» провести внеочередные парламентские выборы в сентябре 2007 г.

Что не сделано?

Не завершено ни одно расследование деятельности высокопоставленных должностных лиц по фальсификации результатов президентской избирательной кампании; не привлечен к ответственности ни один высокопоставленный чиновник за коррупционные действия; не закончено следствие по делу об убийстве Г. Гонгадзе. Не проведена реформа правоохранительных органов и в полном объеме не осуществлена реформа судебной системы. До сих пор имеют место нарушения прав граждан во время задержания, а также проведения досудебного следствия. Не создана система общественного вещания, о которой

много говорилось представителями новой власти.

Перечень декларированных, но не реализованных при президенте В. Ющенко обещаний можно было бы продолжить. Здесь выделены только те лозунги, которые в случае их воплощения в жизнь должны были означать утверждение «ценностей Майдана» и тем самым продемонстрировать изменения в принципах осуществления власти.

Что осталось неизменным?

Сохранилась практика неконкурентного назначения кандидатов на должности разных рангов, что ознаменовалось провалом кадровой политики новой власти[5]. По-прежнему непрозрачным и непубличным является стиль принятия политических решений. Так, по словам Е. Захарова, Председателя правления Украинской Хельсинской группы и сопредседателя Харьковской правозащитной группы, за 10 месяцев 2005 г. президент В. Ющенко издал 42 указа с грифом «для служебного пользования (ДСП)». Из них пять указов были изданы после 1 апреля 2005 г., когда президент дал публичное обещание не использовать подобную практику. За тот же период Кабинет министров принял 13 постановлений и распоряжений с грифом «ДСП» (Захаров, 2005, с. 7). Следовательно, по утверждению Е. Захарова, практика использования незаконных грифов сохраняется, хотя и в меньшей степени, чем при президентстве Л. Кучмы. Другими яркими проявлениями непрозрачности принятия решений является соглашение от 4 января 2006 г. о поставках газа в Украину и результаты выборов Председателя Верховной Рады 6 июля 2006 г.

Не ликвидирована коррупция как системное явление, присущее недемократической модели управления. Это означает, что отношения между представителями власти и гражданами в целом сохраняют патрон-клиентелистский характер. По оценкам авторитетной международной организации Transparency International, в 2005 г. по уровню коррупции Украина занимала 107-е место среди 158 стран мира. С показателем 2,6 из 10,0 возможных (чем ниже индекс, тем выше уровень коррупции) Украина оказались рядом с Никарагуа, Палестиной, Вьетнамом, Замбией и Зимбабве. В 2006 и 2007 гг. уровень коррупции снизился, но незначительно. В 2006 г. страна находилась на 99-м месте с показателем 2,8 вместе с Доминиканской Республикой, Грузией, Мали, Монголией и Мозамбиком.

В Украине не ликвидированы структуры, осуществляющие прослушивание телефонных разговоров государственных служащих, политиков и отдельных граждан. По словам В. Сивковича (депутата Верховной Рады от «Партии регионов»), в первый год президентства В. Ющенко оставалось около 30 структур, занимающихся снятием информации с каналов связи[6]. Например: в 2002 г. было выдано 40 тыс. санкций на снятие информации, а за 9 месяцев 2005 г. — 11 тыс. санкций (Там же). Примером сохранения такой практики стал скандал с прослушиванием сотрудниками Совета безопасности Украины (СБУ) кабинета экс-министра юстиции Р. Зварича.

Осталась без изменений фискальная политика государства с ее главным институтом — налоговой милицией.

Следовательно, новая власть не сумела победить наследие «кучмизма», что

может свидетельствовать как о глубине проникновения политической коррупции во все поры общества, так и о «заражении данной болезнью» нынешних правителей. Неспособность преодоления пороков режима Кучмы свидетельствует о моральной терпимости политического класса (элиты) к проявлениям политической коррупции, а значит, ставит под сомнение само определение власти как «новой». Действительно ли в Украине состоялось обновление элиты? И что является его критерием? Эти, пока еще риторические, вопросы могут стать предметом отдельного исследования.

Серьезными угрозами обществу со стороны власти являются инфляция моральных устоев политического класса, сохранение политической коррупции и непубличность принятия политических решений.

При исследовании переходных режимов, наряду с тремя приведенными выше постоянными индикаторами политического режима, на наш взгляд, следует принимать во внимание и несколько переменных, которые помогут четче объяснить характер переходного режима. К их числу следует отнести: структуру господствующих групп (элит) в обществе, статус и состояние оппозиции, влияние неинституционализированных групп интересов на политический процесс.

Как правящая, так и оппозиционная элита сохраняет такие черты, как фрагментарность, фракционность, внутренняя борьба и отсутствие общих ценностей, которые могли бы стать основой для выработки общенационального консенсуса. Раскол в команде «оранжевых» сделал невозможным не только формирование единой предвыборной коалиции на выборах 2006 г., но и формирование демократического большинства в Верховной Раде. На внеочередных парламентских выборах 2007 г. «Блок Юлии Тимошенко» и блок «Наша Украина — Народная самооборона» вместе смогли получить более половины мест в Верховной Раде Украины (ВРУ) и создали «демократическую коалицию». Однако личные, тактические и стратегические интересы В. Ющенко и Ю. Тимошенко и их команд во многом не совпадают, что вызывает серьезные опасения по поводу эффективности сотрудничества между президентом и правительством Ю. Тимошенко в 2008 г. и особенно накануне президентских выборов 2009 г.

Статус оппозиции остается неурегулированным, хотя ее положение заметно улучшилось по сравнению с периодом второго президентства Л. Кучмы. Жалобы представителей «Партии регионов» (ПР) и Коммунистической партии Украины (КПУ) на политические репрессии новой власти после выборов 2006 г. следует воспринимать как признак изменений в положении оппозиции, чем как проявления (чего нельзя исключать в отдельных случаях) политической мести.

Влияние неинституционализированных групп интересов на политический процесс в Украине проявляется в деятельности финансово-промышленных групп (ФПГ). Их роль в принятии решений немного уменьшилась по сравнению с периодом до 2004 г., однако сами ФПГ сохранились и даже появились новые (см.: <http://www.zn.ua/1000/1550/60724/>). Наиболее мощная среди них политическая и бизнес-структура Р. Ахметова является сегодня финансовым мотором «Партии регионов», за которую на выборах 2006 и 2007 гг. избиратели отдавали больше голосов, чем за другие партии и блоки. Однако после выборов 2007 г. ПР не смогла сохранить прежние позиции в украинском политикуме. Следовательно, в Украине после смены первых лиц государства и значительного

количества представителей элиты второго эшелона власти (председателей областных и районных администраций) фундаментальные правила «политической игры» фактически не изменились.

Есть основания утверждать, что политический режим по своей сути остаётся прежним. Ослабили горизонтальные ограничения режима (отношения между ветвями власти). Если Л. Кучма значительно влиял на законодательную и судебную ветви власти и тем самым являлся доминантой политического пространства, то при В. Ющенко отношения между ветвями власти приобрели выраженный соревновательный, даже конфликтный характер. Вместе с тем влияние оппозиционных сил на политический процесс заметно возросло. Однако соревновательный, или «вынужденный», плюрализм, существующий в Украине, еще не превратился в органичный, демократический плюрализм.

Вертикальные ограничения почти не изменились. Влияние на власть со стороны гражданского общества, за исключением самой «помаранчевой революции», почти не происходит. Для верификации тезиса об инерционности режима используем индикаторы смены режима, разработанные британской НГО «Policy Exchange» (см. [Regime Change, http://www.policyexchange.org.uk/images/libimages/157.pdf](http://www.policyexchange.org.uk/images/libimages/157.pdf)). Специалисты этого центра предложили семь индикаторов смены режима, сформулированных в форме вопросов, которые дают возможность проверить, насколько, если вообще это имело место, изменился политический режим в той или иной стране. Режим считается изменённым, если произошёл резкий разрыв с персоналом, структурами и политикой системы, которая была устранена.

Индикаторы смены режима следующие:

1. Насколько успешно и полно процесс устранил высшее руководство прежнего режима?
2. Какие качественные изменения произошли внутри прежних поддерживающих структур (в высшем уровне бюрократии, вооружённых силах, у представителей судебной ветви власти)?
3. Была ли попытка преодолеть социальные, политические и экономические последствия существования прежнего режима?
4. Появилась ли новая структура элит и как это соотносится с первичными целями смены режима?
5. Повлиял ли процесс на изменение и рассредоточение экономической власти?
6. Был ли ощутимый рост гражданского общества?
7. Проходят ли выборы свободно и честно, создана ли новая конституция, независимая и эффективная система управления?

Ответы на эти вопросы с точки зрения анализа ситуации в Украине представлены в табл. 1.

Инерционность институтов старого советского режима влияла на ситуацию в

Украине при президенте Л. Кучме. Во время президентства В. Ющенко мы видим проявление прежних приемов и правил осуществления власти. Радикального изменения политических институтов за это время не произошло. Прежние практики и институты сохраняют свое влияние, а новые — в виде налоговой и административно-территориальной реформы, реформы местного самоуправления — наталкиваются на сопротивление.

Таблица 1. Экспертная оценка ситуации в Украине

Индикаторы	Оценки
Прежнее руководство устранено?	Да
Поддерживающие структуры реформированы?	Частично, на уровне среднего звена
Последствия существования прежнего режима устранены?	Фактически нет
Создана структура новых элит?	Политическая элита изменилась примерно на треть
Экономическая власть рассредоточена?	Практически нет
Гражданское общество укрепилось?	Да
Политическая система изменилась?	Да, но старые проблемы остались
Общая оценка	Руководство изменилось, но серьезных изменений в институтах осуществления власти, в обществе и государстве не произошло

Таким образом, анализ постоянных и переменных индикаторов политического режима в Украине, а также индикаторов смены режима дает основание определить его как переходный, слабо институционализированный режим, в котором соединяются как авторитарные, так и демократические приемы осуществления власти.

Подобное определение современного политического режима в Украине встречается в оценках экспертов международной организации «Freedom House».

Приведенная табл. 2 составлена по данным мониторинга, проводимого по специальной программе в 27 посткоммунистических странах международной правозащитной организацией «Freedom House» (Nations in Transit

2007, <http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=47&nit=409&year=2007>). Методология мониторинга исходит из того, что под 1 подразумевается полное соответствие стандартам демократического правления, а отклонение от 1 характеризует уровень несоответствия этим стандартам. Политический режим страны, суммарный показатель которого (шкала демократизации) колеблется в пределах 1–2, определяется как «консолидированная демократия» (Consolidated Democracy); на уровне 3 — «полуконсолидированная демократия» (Semiconsolidated Democracy); 4 — «переходное правление, или гибридный режим» (Transitional Government or Hybrid Regime); 5 — «полуконсолидированный авторитарный режим» (Semiconsolidated Authoritarian Regime); в пределах 6–7 — «консолидированный авторитарный режим» (Consolidated Authoritarian Regime) (Nations in Transit 2006, http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=352&ana_page=330&year=2006).

Таблица 2. Показатели состояния свободы и демократии в Украине

Показатели	Годы				
	1997	2004	2005	2006	2007
Избирательный процесс	3,25	4,25	3,50	3,25	3,00
Гражданское общество	4,00	3,75	3,00	2,75	2,75
Независимость СМИ	4,50	5,50	4,75	3,75	3,75
Государственное управление	4,50	5,25	–	4,50	4,75
Конституционный, законодательный и судебный строй	3,75	4,75	4,25	4,25	4,00
Коррупция	–	5,75	5,75	5,75	5,75
Шкала демократизации	4,00	4,88	4,50	4,21	4,25

Необходимо подчеркнуть, что авторитарные тенденции заметны как в исполнительной, так и в законодательной ветви власти. Изменение статуса депутатов районных и областных советов вследствие принятия закона от 5 февраля 2007 г., известного как закон об «императивном» мандате, усиливает влияние формальных и неформальных лидеров партий и руководителей фракций, уменьшая при этом степень воздействия депутатов на законодательный процесс. В случае введения такой практики в Верховной Раде парламент может превратиться в новейшую политическую олигополию — господство ограниченного количества хозяев партий, которые будут иметь решающий голос при принятии политических решений в государстве.

Итак, трансформационные процессы, происходившие в Украине, не следует рассматривать в линейной плоскости, более корректно было бы говорить о зигзагообразном характере политических трансформаций. В этой связи можно рассматривать два разновекторных процесса. Первый связан с изменениями

политических институтов в направлении демократизации, второй — с движением в обратном направлении — сохранением и развитием институтов авторитарного режима. Другими словами, эволюцию политического режима в Украине в 1991–2007 гг. следует рассматривать сквозь призму процессов демократизации и олигархизации. Схематически её можно представить в виде зигзагообразных колебаний между условными полюсами «демократия» – «авторитаризм» (рисунок).

Эволюция политического режима

На рисунке использована модифицированная в виде схемы модель трансформации политических систем Р. Даля (Даль, 2002, с. 9–13), из которой видно, что с усилением политической конкуренции и увеличением политического участия политический режим в Украине приближался к демократии. Когда эти процессы приостанавливались, формальные и неформальные правила осуществления власти (то есть режим) приобретали авторитарный характер.

Особенности политического процесса в Украине

События ноября-декабря 2004 г. были величайшим потрясением для всего украинского общества. Политическая система вышла из кризиса благодаря ненасильственному решению политического конфликта, частичной ротации элит, замене значительного количества представителей исполнительной власти в масштабах всего государства.

После падения режима Л. Кучмы начался новый этап общественных и политических трансформаций и одновременно закончился десятилетний период авторитарной стабильности. Динамика политических процессов заметно

ускорила. Используя терминологию Д. Истона, можно утверждать, что политическая система оказалась не готова реагировать на многочисленные вызовы, исходящие из внутренней и внешней среды. Правительственный кризис сентября 2005 г., парламентско-правительственный кризис января 2006 г., парламентский кризис июля 2006 г., институциональный кризис апреля–июня 2007 г., а также многочисленные эпизоды обострения отношений с Россией — основные политические потрясения Украины последних лет.

Причины названных потрясений кроются в смене политического руководства страны. «Помаранчевая революция» стала фактором нарушения геополитического равновесия в Евразии, ранее обеспечиваемого доминированием России. Смена власти в Грузии и Украине воспринимается Москвой как угроза ее стремлению вернуть былое могущество путем реализации модели «суверенной демократии», или преобразования России в «евразийскую Нигерию» — ключевого поставщика энергоресурсов для многих европейских и большинства постсоветских государств.

Учитывая то, что новая «демократическая коалиция», сформированная после парламентских выборов 2007 г., выглядит довольно неустойчивой, внутривнутриполитическое напряжение сохранится, по крайней мере, до президентских выборов 2009 г. Новых потрясений следует ожидать и во время решения вопросов о статусе русского языка, вступлении Украины в НАТО. Без сомнения, не удастся устранить противоречия между исполнительной и законодательной властью. Движение Украины к консолидированной демократии будет зависеть от способности политических элит конструктивно сотрудничать, от эффективности нового правительства во внешней и внутренней политике, сотрудничества Украины с евроатлантическими структурами, степени развития гражданского общества и состояния демократии в соседних странах.

Литература

Даль Р. А. Поліархія. Участь у демократичному житті і опозиція. Харків: Каравела, 2002.

Захаров Є. Усвідомлена необхідність правозахисту // Критика. 2005. № 12.

Зеркало недели. 2005. № 1, 3, 17.

Колодій А. Від «Сірої зони» до кольору сонця: Помаранчева революція і демократичний перехід в Україні // Агора. Вип. 1 // <http://www.kennan.kiev.ua/kkp/publications.htm>

Колодій А. До питання про політичний режим в Україні // Сучасність. 1999. № 7-8. С. 84–96.

Кузьо Т. Десять свідчень того, що Україна неорадянська держава // <http://www.pravda.com.ua>. від 25.03.2004

Лінецький С. Політичний режим в Україні (1991–1997) // Політологія: Посібник для

студентів вузів / За ред. О. В. Бабкіної, В. П. Горбатенка. Київ: Академія, 1998.

Маркс К. Злиденність філософії // Маркс К., Енгельс Ф. Твори. Вид. 2-е. Т. 4. Київ, 1959.

Мацієвський Ю. «Помаранчева революція» крізь призму міждисциплінарних соціальних досліджень // Політичний менеджмент. 2005а. № 6. С. 7–22.

Мацієвський Ю. «Помаранчева революція» крізь призму транзитології // Ї. 2005б. № 40. С. 29–39.

Полохало В. Метаморфози посткомуністичної влади // Сучасність. 1996. № 9.

Полохало В. Політична арена України // Філософська і соціологічна думка. 1992. № 4.

Полохало В. Політологія посткомуністичних суспільств в Україні та Росії // Політична думка. 1998. № 2.

Рябчук М. Зона Відчуження. Українська олігархія між Сходом і Заходом. Київ: Критика, 2004.

Фисун А. Демократія, неопатримониалізм и глобальні трансформації. Харків: Константа, 2006. С. 134–150.

Якушик В. Українська революція 2004–2005 років. Спроба теоретичного аналізу // Політичний менеджмент. 2006. № 2. С. 19–36.

Carothers T. The End of Transition Paradigme // Journal of Democracy. 2002. N 13 (1).

Darden K. Blackmail as a Tool of State Domination: Ukraine under Kuchma // East European Constitutional Review. 2001. Vol. 10 (2/3). P. 67–71.

Eke S., Kuzio T. Sultanism in Eastern Europe. The Socio-Political Roots of Authoritarian Populism in Belarus // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52. N 3. May. P. 523–547.

Fishman R. M. Rethinking State and Regime: Southern Europe's Transition to Democracy // World Politics. 1990. Vol. 42. N 3. P. 422–440.

Goldstone J. A. Comparative Historical Analysis and Knowledge Accumulation in the study of Revolutions // Mahoney J., Rueschemeyer D. (eds.) // Comparative Historical Analysis in the Social Sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 81–82.

Huntington S. Revolution and Political Order // Revolutions. Theoretical, Comparative and Historical Studies / Ed. by J. Goldstone. HBS publishers, 1986.

<http://www.zn.ua/1000/1550/60724/>

Kuzio T. Regime type and politics in Ukraine under Kuchma // Communist and Post-

Communist Studies. 2005. N 38. P. 167–190.

Macridis R. C. Modern Political Regimes: Institutions and Patterns. Boston: Little, Brown & Company, 1986.

Munck G. L. Disaggregating Political Regime: Conceptual Issues in the Study of Democratization. Working Paper 228. The Helen Kellogg Institute for International Studies, 1996.

Nations in Transit 2006 // http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=352&ana_page=330&year=2006

Nations in Transit 2007 // <http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=47&nit=409&year=2007>

O'Donnell G., Schmitter Ph. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986.

Regime Change: It's Been Done Before // <http://www.policyexchange.org.uk/images/libimages/157.pdf>

Scocpol Th., Trimberger E. K. Revolution: A Structural Analysis // Revolutions. Theoretical, Comparative and Historical Studies / Ed. by J. Goldstone. HBS publishers, 1986.

Silitski V. Has the Age of Revolutions Ended? // <http://www.tol.cz/look/TOL/article.tpl>

Svend E. Skaaning Political Regimes and Their Changes: A Conceptual Framework // http://cddrl.stanford.edu/publications/political_regimes_and_their_changes_a_conceptual_framework/

ramework/

Zon van H. Political Culture and Neo-Patrimonialism Under Leonid Kuchma // Problems of Post Communism. 2005. Vol. 52. N 5. September-October.

[1] Статья написана на основе доклада, сделанного автором на VI Международной конференции Евразийской сети политических исследований (Москва, 2008 г.).

© Ю. Мациевский, 2008

[2] Детальнее о дискуссиях между западными исследователями о сущности политического режима в Украине см.: Kuzio, 2005, p. 167–190.

[3] Обзор публикаций на эту тему и альтернативное объяснение украинских событий 2004 г. через категорию «переход» было предложено мной в следующих публикациях: Мацієвський, 2005а, с. 7–

22; 2005б, с. 29–39.

[4] Близкое, но не тождественное нашему объяснение особенностей политических трансформаций в Украине предпринято в указанном исследовании А. Фисуна.

[5] См. публикации Ю. Мостовой, С. Рахманина, Н. Пестряковой в украинской еженедельной газете: Зеркало недели. 2005. № 1, 3, 17.

[6] Программа «Выборы-2006». Эфир от 9 марта 2006 г. на телеканале «1+1».